

Проблемы самоидентификации россиян в период рыночных реформ в художественных произведениях дальневосточных авторов

Елена Сергеевна Волкова,

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии на-
родов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: elenavolkova1@yandex.ru

В статье на основе анализа произведений литературы и изобразительного искусства дальневосточных авторов исследуется кризис идентичности, переживаемый гражданами России в результате распада СССР и радикальных рыночных реформ. Автор рассматривает продукт художественного творчества как важный исторический источник, отражающий социальные процессы в обобщённо-символической форме. Установлено, что многие герои изучаемых произведений в период реформ испытывают дезориентацию, болезненно переживают утрату прежних статусов, теряют уверенность в завтрашнем дне; жизненные цели становятся расплывчатыми и неопределёнными, идентификация с макрообщностями затрудняется. Крайне болезненной потерей для новых россиян выступил распад советского государства, занимавшего главное место в иерархии идентичностей, — заменить его оказалось ничем. В условиях отсутствия единой государственной идеологии герои предпринимают попытки отождествить себя с различными национальными, политическими, религиозными, поколенческими, профессиональными и прочими общностями, но эти попытки далеко не всегда приводят к желаемому результату. Недоверие к власти, базирующееся на результатах рыночных реформ, ощутимо замедляет формирование новой государственно-гражданской идентичности. Стремительная дифференциация по уровню доходов и потребления, глубокая ценностная дезинтеграция общества ведут к нарастающей конфликтности. В общем и целом в новой социальной реальности самоидентификация превращается в бесконечный процесс, зачастую служащий источником беспокойства и неуверенности.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, распад СССР, рыночные реформы, 1990-е, кризис идентичности, художественная литература, изобразительное искусство.

Problems of Self-Identification of Russians during the Period of Market Reforms in the Art Works of Far Eastern Authors.

Elena Volkova, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: elenavolkova1@yandex.ru.

Based on the analysis of works of literature and visual arts by Russian Far Eastern authors, the paper examines the identity crisis experienced by Russian citizens as a result of the collapse of the USSR and radical market reforms. The author considers the product of artwork as an important historical source reflecting social processes in a generalized symbolic form. It is established that during the period of reforms many heroes feel disorientation, painfully experience the loss of their former statuses, lose confidence in the future, life goals become uncertain, identification with macro-generalities becomes difficult. The collapse of the Soviet state, which had occupied the main place in the hierarchy of identities, was an extremely painful loss for new Russians—there was nothing to replace it. In the absence of a unified state ideology, the heroes make attempts to identify themselves with various national, political, religious, generational, professional and other communities, but these attempts do not always lead to the desired result. Distrust of the authorities, based on the results of market reforms, significantly slow down the formation of a new state-civil identity. The rapid differentiation in income and consumption and the deep value disintegration of society leads to the growing conflict. In general, in the new social reality, self-identification turns into an endless process as a source of anxiety and insecurity.

Keywords: Russian Far East, the collapse of the USSR, market reforms, 1990s, identity crisis, fiction, visual art.

Крах советского государства и последовавший за ним идеологический вакуум оказали глубокое трансформирующее воздействие на сферу личностных смыслов и процессы самоидентификации новоявленных россиян. Разрушение социальной структуры и чётко выстроенной иерархии идентичностей при отсутствии объединяющей национальной идеи приводит к тому, что каждый гражданин встаёт перед необходимостью самостоятельно выстраивать новую систему идентичностей, определять своё место в социуме, принадлежность к тем или иным общностям, паттерны поведения и пр. В статье уделяется внимание национально-этнической, гражданской, религиозной, экономической, статусно-ролевой самоидентификации жителей региона¹.

¹ Территориальные рамки исследования охватывают традиционные дальневосточные земли (исключая Якутию, Бурятию и Забайкальский

Источниковую базу исследования составляют произведения художественной литературы и изобразительного искусства, созданные современниками и дающие возможность оценить результаты реформ в человеческом измерении, передать дух эпохи, зафиксировать общественные настроения, отразить интересы и потребности представителей различных социальных групп, поколений, территориальных общностей. Важно отметить, что писатели и художники в рассматриваемый период и сами переживали глубокий кризис идентичности не только как граждане России, но и как представители ещё недавно престижной, полупривилегированной группы художественной интеллигенции. Этот кризис был связан с фактическим уходом государства из культурной сферы, отменой централизованного финансирования союзов писателей и художников, снижением статуса этих профессий в обществе, наконец, с невозможностью зарабатывать на жизнь собственным творчеством в новой социально-экономической реальности². При работе над темой использованы также результаты социологических опросов изучаемого периода. Значимые для данного исследования методологические подходы изложены в трудах З. Баумана [4], Л.Г. Ионина [16], П. Штомпки [36].

Крушение прежнего мира, *«радикальный слом всего, что было привычным, советским»* [35, с. 20], серьёзно травмировали общество, инициировали массовую дезориентацию. Это состояние получило отражение в целом ряде художественных произведений, в частности в работах художника В.В. Мечковского (*«Бредущий в тумане»*, *«Кто мы, куда идём, откуда?»*), прозаика Т.Ф. Алёшиной, поэтов Н.Т. Кабушкина (*«Наш путь — ниоткуда. Наш путь — в никуда»* [17, с. 138]), А.А. Пчёлкина (*«Ни маяка по курсу, ни костра, / ни лоцмана, ни веры, ни надежды»* [25, с. 9]).

Распавшийся на независимые государства Советский Союз для миллионов граждан был основой макроидентичности, значимость этого компонента в картине мира новоявленных россиян неизменно подтверждают данные соц-

край, ныне входящие в ДФО). Процессы самоидентификации представителей коренных малочисленных народов Дальнего Востока в период радикальных реформ представляются весьма специфичными, их анализ также не входит в круг задач. О трансформации региональной идентичности дальневосточников см.: Volkova E.S., Dudarenok S.M., Kovalevskaya Yu.N., Kovalenko S.G., Krushanova L.A. Open border and transformation of Russian Far East regional identity in 1990s // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2021. Vol. 102. P.1151—1158.

² В среде писателей и художников обеспечивать себя и семью за счёт собственного творчества в постсоветский период имели возможность единицы — в основном, это были столичные звёзды.

опросов конца XX — начала XXI в. [15, с. 53; 26, с. 18—20, 78—79]. «*Вот и думай теперь, для чего живёшь, / коль погибшей страны ты теперь поэт?*» — вопрошает приморский поэт И.И. Шепета [34, с. 9]. Осваивать дальневосточные земли ехали люди со всех концов СССР, и для многих жителей региона развал советского государства стал событием не только политическим, но глубоко личным, поскольку родные и друзья в одночасье оказались за границей. Вот как пишет об этом поэт Г.П. Шумейко, который в своё время приехал в Приамурье из Черниговской области:

*«Не может быть!» — кричу издали
Родному брату где-то в Украине.
И разобраться трудно мне пока —
Он или я остался на чужбине* [37, с. 123].

Возможно, на окраинах державы тоска по утраченной большой Родине ощущалась сильнее, тем более что с началом рыночных преобразований дальневосточники почувствовали себя оторванными от «материковой» России, брошенными федеральным центром на произвол судьбы (чему в значительной степени способствовали не только аутсайдерские социально-экономические показатели региона, но и откровенно пренебрежительная политика реформаторов в отношении дальневосточных территорий).

С болью говорят деятели культуры и о межнациональных конфликтах на постсоветском пространстве: эта тема присутствует в произведениях литераторов В.В. Горбаня, К.А. Партыки, А.А. Пчёлкина, художников В.П. Дроздова, В.Н. Погребняка и др. «*Я — Россия, открытая рана*», — читаем у приморского поэта Е.Н. Мелькова [23, с. 96]. Его хабаровский коллега Н.Т. Кабушкин вопрошает: «*Отечество, где твоя сила? Отечество, где твой народ?*» [17, с. 146]. Отчаянием наполнены и графическая работа владивостокского художника Ю.А. Аксёнова «Игроки. Россия — 93», и строки магаданского поэта А.А. Пчёлкина:

*От трюмов до снастей разорена,
с бунтующей командой в раздоре,
бездомная бескрылая страна
вплывает в бездну. Бездна бед полна
и чёрная дыра зияет в створе* [25, с. 9].

Социологические исследования ИКСИ РАН 1992, 1998, 2004 гг. показали, что в рейтинге самоидентификаций россиян первые

строчки стабильно занимают семья и друзья, большие социальные общности значительно от них отстают. «Люди не видят для себя возможность контролировать или как-то влиять на ситуацию за пределами узкого жизненного пространства, — заключает Р.Х. Симонян. — Самоопределение „мы — это мои близкие, и ни государству, ни другим до нас нет дела“ доминирует...» [31, с. 62]. Далее с серьёзным отрывом следуют такие позиции, как люди тех же взглядов или религиозных убеждений, той же профессии и рода деятельности, той же национальности — по словам Н.Е. Тихоновой, эти макрообщности «выполняли отчасти и компенсаторную функцию, связанную с утратой возможности самоидентификации с исчезнувшей великой страной» [26, с. 79, 82]. И если семью и друзей социологи определяют как реальные общности, то все остальные перечисленные «мы-позиции» относятся к числу абстрактных, символических общностей: опросы подтвердили, что для многих жителей страны они имеют личностную, эмоционально окрашенную значимость. С другой стороны, рост самоидентификаций такого рода в российском обществе свидетельствует об отсутствии единства в ценностной и мировоззренческой сфере [26, с. 78, 83], что получило, например, отражение в творчестве И.И. Шепеты («*Мы уже не единый народ...*»), В.В. Мечковского («*Вот она какая... наша Родина разнонаправленная*») и др.

В художественных произведениях дальневосточных авторов зафиксирован всплеск интереса к религии, в общем и целом характерный для кризисных периодов в развитии общества. И если часть населения без колебаний выбирала веру предков, то другие обращали свои взоры в сторону нетрадиционных для региона религиозных конфессий, тем более что в 1990-е гг. на Дальний Восток «*хлынули проповедники всех мастей*» [33]. В то же время анализ художественных произведений показывает, что у многих новоявленных россиян увлечение религиозными учениями и практиками было поверхностным и обуславливалось прежде всего идентификационным кризисом, разочарованием в светских идеологиях, ослаблением веры в науку и прогресс, отсутствием уверенности в завтрашнем дне. «*Мы толчёмся в мраке Мунка с Босхом, / в слепоте на ощупь ищем бога какого-то там*», — пишет магаданский поэт А.А. Гарипов [6, с. 169].

В повести сахалинского автора А.А. Сафоновой старшекласснице Серафиме вручают на улице «*плохенькую ксерокопию*» с надписью «*Мария Дэви Христос*» и пачку текстов — «*свежее прочтение Талмуда, Библии и Корана одновременно*». «*С чертовщинкой баба. Завлекалочка на палочке*», — размышляет героиня,

а дома, внимательно изучив «новообретённые скрижали», обращается к матери: «Окрести меня». У Серафимы душа лежит к православию, мать решает креститься вместе с ней. С большим трудом отыскав крёстную (что неудивительно: процент верующих в регионе был крайне низок [39, с. 243]) и выучив две молитвы, мать и дочь отправляются в путь: «Приход Ксении Блаженной открылся: домик в глухом районе, выкупленный за сущую безделицу». Желающих пройти обряд крещения так много, что домик трещит по швам, тем не менее таинство свершается. «На этом наше воцерковление и кончилось, — философски заключает героиня. — Захаживаю в храм на Прощёное воскресенье да на Пасху. Изредка — на Рождество. Новопосвящение не спасло от повседневных ссор. Любви к ближнему не прибавилось, и пустота в душе не заполнилась...» [30, с. 107—113].

Владивостокский прозаик Т.Ф. Алёшина рассказывает о пожилой женщине, которая стала регулярно посещать корейскую воскресную церковь после исчезновения «сгинувшего невесть куда мужа», к ней присоединились разведённая дочь и семнадцатилетняя внучка. «Россия — страна одиноких женщин, нужных только корейской церкви, — комментирует то ли автор, то ли его героиня. — А ведь там хорошо. Поют, учат религиозные тексты и стихи, справляют дни рождения, даже ездят в Корею, благо близко. В конце можно отдаться видениям и миражам, как в начале жизни, наплевав на реальность» [2, с. 123]. Ещё одно лирическое отступление Алёшиной — о художнике, мужчине среднего возраста: «У Паши сегодня день рождения, полная мастерская авестийцев. <...> Таинственная религия, учения в самиздатовских рукописях, праздники в лесу, прыжки через костёр, хороводы в белых нарядах, посвящения, отлучения, ползарплаты в месяц на лекции адептов. Но главное — мы вместе!» [2, с. 111].

Анализ художественных произведений показывает, что наплыв миссионеров и пик интереса к нетрадиционным конфессиям в регионе приходится на 1990-е гг., что согласуется с данными других источников и заключениями современных исследователей. Религиоведы подтверждают: на рубеже веков увлечение нетрадиционными учениями и практиками идёт на спад; православие, напротив, укрепляет свои позиции. При этом процент глубоко верующих, соблюдающих религиозные обряды, остаётся невысоким: для многих православие в большей степени является признаком этнической и культурной идентичности [39, с. 247].

Весомая доля респондентов, опрошенных социологами в 1992, 1998, 2004 гг., заявляла, что часто испытывает чувство общности

с людьми своего поколения [26, с. 77, 82]. М.Ф. Черныш заключает, что поколение, безусловно, является «семантическим» понятием, выступая носителем специфических культурных кодов [27, с. 85—86]. Прозаик Т.Ф. Алёшина (1943 г. р.) идентифицирует себя и своё поколение, в советский период принимавшее активное участие в освоении Дальнего Востока, как «счастливых романтиков из страны трудовых подвигов», энтузиастов и бессребреников, которые «без этапа и конвоя прошли нашу землю до края» [3, с. 51]. Алёшина убеждена, что «в лёгкой, богатой, сытой жизни есть что-то противоестественное, невселенское. Аскетизм — это советское, русское» [3, с. 126].

Соцопросы свидетельствуют, что в годы радикальных реформ около половины опрошенных стабильно продолжали идентифицировать себя с общностью «советский народ» (даже в 2004 г. этот показатель составлял 51,2%) [26, с. 77, 82]. «Я не люблю эпоху перемен / и полон ностальгии по застою», — откровенно заявляет И.И. Шепета [34, с. 77]. Целый ряд литературных героев со светлой грустью вспоминают «старые добрые советские времена» [11, с. 72].

Лирическая героиня А.А. Сафоновой заключает, что «советская нация была конформной и политкорректной», а новая этнонациональная идентичность находится ещё в стадии становления. Размышляя над особенностями своей внешности, героиня иронически констатирует: «...Когда-то наши праотцы и праматери вели очень неразборчивый образ жизни», — в результате сложился генотип, которому трудно подобрать определение: «Азиевропеец. Квазиевропеец. Ниэтонитоец». Героиня признаётся, что до сих пор (действие рассказа происходит в 2002 г.) завидует тем, «кто уже успел из советского человека стать русским», и отпускает неоднозначную сентенцию: «Дело не в том, как выйти из ситуации национальной обречённости, а в том, как научиться её не замечать» [29, с. 11—12]. А.А. Гарипов тоже размышляет о кульбитах, которое совершает национальное самосознание, «из совка пытаюсь выпрыгнуть в Русь» [24, с. 78].

Несмотря на то, что после распада СССР в официальном дискурсе утверждается термин «россиянин», на бытовом уровне вместо него чаще используется этноним «русский». Важную, на наш взгляд, информацию о национальной самоидентификации в постсоветский период содержат данные социологического исследования ИКСИ РАН, относящиеся к первой половине 2000-х гг. В топ ответов на вопрос «Кого можно считать русским человеком?» вошли: «Кто воспитан на русской культуре и считает её своей» (40,9%), «Кто любит Россию» (37,8%), «Кто считает себя русским» (29,3%) [26, с. 81]. Анализ литературных произведений

показывает, что идентификация по русской культуре является базовой и для художественной интеллигенции региона. Хорошей иллюстрацией к данным опроса могут служить строки А.А. Гарипова (1970—2023), безусловно определявшего себя как русского: «Я Гарипов Алексей, / я татарин и еврей, / я лихой донской казак, / мой прадедушка был дьяк, / прадед по отцу — мулла, / я люблю колокола. / Я по паспорту хохол. / Я люблю весь женский пол» [6, с. 180]. Отметим, что он родился в Донецке, с 1984 г. жил в Магадане, существенное влияние на становление поэта оказали произведения Ф.М. Достоевского, которого Гарипов называл русским писателем номер один.

Социологи заключают, что надэтническая категория «советский народ» объединяла в себе идею государственности и национальной идентичности («семья народов»). В 1990-е гг., по данным соцопросов, национально-этнический фактор в системе идентификаций оказывается важнее, чем государственно-гражданский, происходит отчуждение широких слоёв населения от властных структур [12, с. 28; 26, с. 79—80; 27, с. 603]. Герой романа Ю.С. Рытхэу скептически относится к «непонятному образованию, которое продолжало называть себя государством Россия» [28, с. 283]. Равнодушие и презрение — такие чувства, по мнению автора, вызывает у народа руководство страны [28, с. 341]. Власть сняла с себя ответственность за людей и сделала ставку на естественный отбор, говорит персонаж С.В. Забаровой³ [14, с. 304—305]. Неприятие новой государственной символики демонстрирует А.А. Гарипов:

*В моём культурном контексте
нет никакого триколора.
Я взращён алым знаменем,
на котором лишь кровь, кровь и кровь [6, с. 168].*

Герои художественных произведений в подавляющем большинстве не испытывают доверия к демократии постсоветского образца и руководителям государства, результатами деятельности которых стали снижение уровня жизни широких слоёв населения, разруха в экономике, развал социальной инфраструктуры, падение авторитета России на международной арене, разгул преступности.

³ В самом деле, из уст целого ряда реформаторов 1990-х гг. звучали пренебрежительные, а по сути бесчеловечные оценки по поводу собственного народа и его судьбы, отмечает Р.Х. Симонян. В частности, и А.Б. Чубайс, и Е.Т. Гайдар неоднократно заявляли, что уход из жизни людей, неспособных адаптироваться к рынку, — дело естественное [30, с. 69].

«Наступили... времена, в которых комфортно почувствовали себя бандиты, отморозки и другие нехорошие люди», — бесхитростно констатирует персонаж биробиджанского автора А.Л. Драбкина [13]. *«Кайф воров, разиням плохо, — / Жизнь жестока и проста»,* — пишет Е.Н. Мельков [23, с. 94]. Герой нового времени, по версии А.А. Гарипова, — *«Имярек, наречённый Фомой, без веры, / за пазухой с фомкой, до высшей меры / беру всё от жизни, не зная меры»* [6, с. 189]. В подобных условиях в преступную деятельность втягиваются представители самых разных общественных групп, обретая новые идентичности.

Герой хабаровского прозаика А.В. Гребенюкова Серёга, рэкетир и по совместительству телохранитель криминального авторитета, не может понять, почему симпатичная девушка-продавщица, вначале проявлявшая к нему благосклонность, узнав поближе, отшатнулась. *«Без неё мне не жить»,* — говорит Серёга, и при этом регулярно устраивает девушке «разборки», ревнуя её к заходящим в магазин покупателям. *«Лаской с ней надо»,* — поясняет Серёге знакомый, но видит в его глазах недоумение. *«Не может быть телохранитель у мафиози ласковым. Зверем должен быть. И желательно подонком. Высшей категории. Чтобы соответствовать. А при этом трудно, да и невозможно, сохранять добрые чувства, проявлять их даже к любимой женщине»,* — комментирует автор [9, с. 164].

«Козлы придумали называть честный народ лохами», — говорит другой герой А.В. Гребенюкова [10, с. 41]. Эта навязанная стигматизированная идентичность — «лох» — приводит к формированию практик сопротивления «слабого» обывателя криминальному беспределу, которые тоже нашли отражение в художественных произведениях. Так, отец главного героя в рассказе Е.А. Мамонтова, доверив свои сбережения финансовой пирамиде и *«поняв, что его обокрали... разрядил два ствола с картечью в совет директоров пирамиды»* [21, с. 267, 270], а неприметный пенсионер в рассказе Л.Н. Князева хладнокровно, без свидетелей, расстрелял в электричке шайку, наводящую страх на пассажиров, из немецкого парабеллума [18, с. 107—108].

«Чёрная теперь гуляет масть, / Мой пиджак давно поизносился, / Ни покараулить, ни украсть / Я до сорока не научился», — констатирует поэт Г.П. Шумейко, размышляя о том, как дальше жить [38, с. 8]. *«Воровать не умеешь — таки торгуй. / А торговать не можешь — ну, так соси лапу!»* — словно отвечает ему с горькой иронией А.А. Пчёлкин [25, с. 59]. Благовещенский автор Е.П. Гончаров пишет о влиянии нового мироустройства на самоидентификацию подрастающего поколения: *«...Многие мальчики мечтали стать рэкетирами, а девочки — путанами,*

и кому-то из них даже повезло в этом. Остальные из тех, чьё детство пришлось на „лихие девяностые“, мечтали стать кооператорами, и до сих пор только и занимаются тем, что покупают и перепродают, и им неважно, что» [8, с. 75].

Ощутимый рост за период с 1992 по 2004 г. продемонстрировали самоидентификации с такими общностями, как «люди того же материального достатка», «люди, близкие по политическим взглядам», и «те, кто не интересуется политикой»⁴ [26, с. 81]. Н.Е. Тихонова отмечает, что имущественная и политическая идентификации характерны для стран с рыночной экономикой (причём в Западной Европе они преобладали столетие назад «в период жёсткой вертикальной стратификации и острой классовой борьбы») [26, с. 82].

Главными факторами, определявшими экономическую самоидентификацию россиян в 1990-е гг., были ваучерная приватизация, деиндустриализация, безработица, резкая имущественная дифференциация общества, нашедшие отражение в произведениях многих дальневосточных литераторов (Т.Ф. Алёшиной, Т.А. Жариковой, Л.Н. Князева, А.В. Кузнецова-Тулянина, К.А. Партыки, А.А. Пчёлкина, Ю.С. Рытхэу, А.С. Тоболяка, В.М. Фатеева, И.И. Шепеты и др.) и художников (Ю.А. Аксёнова, С.Д. Горбачёва, В.П. Дроздова, В.В. Мечковского, С.Г. Шаронова и др.). В рассказе А.В. Гребенюкова «Бродяга и бизнесмен» на берегу реки случайно встречаются люди примерно одного возраста, которые в советское время работали в похожих «конторах», но в период рыночных реформ один взялся «ловить рыбку в мутной воде» и преуспел, а другой превратился в бича. Бродяга поначалу настороженно воспринял незнакомца на сверкающем лимузине, но вскоре они разговорились и даже в какой-то степени нашли общий язык: как выяснилось, обоим в этом мире живётся нелегко. Прощаясь, бизнесмен сказал: «Славно мы посидели. — Помолчал, подумал: „Не дать ли бродяге денег?“ Но отказался от такой мысли. Это было бы кощунство после такого знакомства». Он протянул свою визитку, предлагая встретиться и при желании обсудить возможность трудоустройства. В ответ бич пообещал зайти, «наверняка зная, что больше этого человека не увидит» [11, с. 73—75]. Почему? Они из разных миров, господин на лимузине — однозначно чужой (поколенческая общность в данном случае отходит на второй план). Книга

⁴ Об отражении политической идентификации россиян в литературных произведениях изучаемого периода см.: Волкова Е.С. Взаимодействие общества и власти в России 1990—2000-х гг. в зеркале дальневосточной художественной литературы // Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 52—77.

увидела свет в 1998 г., а это значит, что не прошло и десяти лет, как между бывшими советскими людьми образовалась непреодолимая пропасть, и первыми, судя по всему, это осознали бедные.

В постсоветский период миллионы людей вынужденно находятся в поиске средств к существованию и пытаются осмыслить своё место в мире, который их окружает, — оба эти процесса неразрывно связаны. Биографии рушатся, жизненные планы летят в тартарары, будущее теряет сколько-нибудь ясные очертания. Лирический герой А.А. Гарипова констатирует: «А обернётся — итогов нет — / пахал полжизни, а всё босяк» [6, с. 59]. Утрату рядовым гражданином целого ряда идентичностей констатирует А.А. Пчёлкин в стихотворении «Штаны»:

*На сберкнижке у Петровых
было сорок тысяч кровных,
дом, работа, мощь страны.
А сегодня у Петрова —
ни сберкнижки и ни крова,
ни работы, ни жены,
ни сочувствия страны, —
лишь сознание вины
перед Родиной, что снова
он живёт совсем хреново,
как в года после войны:
кепка, ваучер, штаны...
...Это — что?
Вон Иванов
так и вовсе без штанов! [25, с. 58—59]*

Послевоенная бедность была объяснима, её не стыдились. Положение, в котором оказались миллионы россиян в результате рыночных реформ, воспринималось по-другому: падение уровня жизни в 1990-е гг. было унижительным; целый ряд литераторов транслируют чувство вины, которое испытывает рядовой гражданин по поводу происходящего в стране — вины за то, что поверил реформаторам, что не смог предвидеть и предотвратить распад государства и развал экономики.

В результате резкого сокращения производства и закрытия промышленных предприятий множество квалифицированных специалистов остаются без средств к существованию, а зарплаты работников образовательных, медицинских, культурных учреждений становятся настолько низкими, что на них невозможно прокормить семью. Многие ищут подработку, и не одну,

«вкальывают» на дачах и огородах, кормятся охотой, рыболовством, собирают дикоросы в тайге, наконец, принимают решение о смене профессии. Инженер-конструктор, превратившаяся в уборщицу, доцент университета, подрабатывающий гардеробщиком, научный сотрудник, вынужденно освоивший челночный бизнес, или врач, торгующий подержанными шинами, в 1990-е гг. никого не удивляли, но литераторы правомерно ставят вопрос о том, что чувствовали при этом люди, утратившие прежнюю профессиональную идентичность. Героиня сахалинского писателя А.С. Тоболяка, окончив библиотечный вуз, устраивается на работу в торгово-закупочную фирму, главная причина — *«оскорбительно мизерная зарплата»* библиотекаря. *«Я продала за деньги своё истинное призвание, — признаётся героиня, — и тоскую, тоскую... по книжным стеллажам, по запаху книг, по тишине, безлюдности и прохладе книжных архивов...»* [32, с. 86].

Специфически дальневосточную идентичность, причём не только профессиональную, породила торговля подержанными японскими автомобилями с правым рулём, которая внесла ощутимый вклад в копилку практик выживания населения в постсоветской реальности. Зародившись в годы перестройки, после распада СССР она сформировала полноценную отрасль экономики (включавшую таможенное оформление, транспортировку, регистрацию авто, ремонт и сервисное обслуживание, торговлю запчастями и пр.) и обеспечила трудоустройство, без преувеличения, миллионам людей. Множество литературных героев работают в этой отрасли, художественные тексты пестрят марками «японок» и характерными сентенциями (*«Жена должна быть русской, а машина — японской»*, *«Хороший руль левым не назовут»* и пр.). В изобразительном искусстве особо следует отметить живописные произведения приморского художника Д. Лучинина (*«Правый руль»*, *«Зелёнка»*, *«Конструктор»*, *«Распил»* и др.). Лирический герой романа *«Правый руль»* констатирует: *«Я родился в СССР. Моей родины больше нет. От неё в наследство мне достался ваучер, который благополучно сгинул в „Русском доме селенга“.* *Теперь я — лицо автомобильной национальности»* [1, с. 96]. И это не громкие слова: в постсоветский период, когда транспортная система региона приходит в упадок, а социальная инфраструктура бесконечно «оптимизируется», значение автомобиля на периферии многократно возрастает. В условиях российской дорожной сети, которая далека от идеала, японские автомобили, надёжные и относительно доступные по цене для широких слоёв населения, становятся необходимым инструментом,

который не только помогает прокормить семью, но и обеспечивает доступ к важным социальным объектам. Вот почему литератор характеризует правый руль как «образ жизни, кормилец и культ» [1, с. 316].

Герой повести Е.А. Мамонтова, оставивший низкооплачиваемую работу «на государство» и подавшийся в репетиторы по английскому языку (хотя в школе по этому предмету едва дотягивал до четвёрки), на вопрос о профессии сначала отвечает: «Я учитель», — а потом задумывается. *«Интересно, чем же на самом деле я занимаюсь? Каков мой статус? Мелкий авантюрист? Грубо. Не в том смысле, что обидно, а в том, что неверно. Я кустарь. <...> Я из тех могикан времён глобализации, которые до сих пор не платят никаких налогов... Вам будет странно узнать, но большинство клиентов, да что там большинство — все — вполне удовлетворены моей работой. Вот работой правительства и президента удовлетворены, скажем так, не все. А моей — все. Так что надо ещё очень хорошо подумать — кто здесь жулик и шарлатан»* [22, с. 77]. Многие жители региона, оставшись без работы и средств к существованию, использовали теневые практики (контрабанду, браконьерство, сбор металлолома, производство суррогатного алкоголя и пр.). В подобных случаях вопросы профессиональной самоидентификации отодвигались на задний план, на первом месте стояла необходимость элементарного выживания.

По словам прозаика С.В. Забаровой, волны рыночной экономики «вымывали за борт людей, и одни выплывали, другие тонули», не в силах пересечь «рубикон эпохи» [14, с. 90, 323]. Вот как пишет о своём герое Александре Абрамове, работнике горнорудной отрасли и талантливом актёре народного театра, И.И. Шепета: *«Жизнь лишилась прежних смыслов... Его воротило от торгашества, шагающего по городам и весям некогда Святой Руси... Его бесил Боря Ельцин, который выбросил партбилет и пропивал Родину. То, за что положили жизнь миллионы, шло с молотка „за три копейки“. Надвигалась нищета, и света в конце тоннеля не было видно»*. Абрамов «не вписался в рыночную экономику Чубайса» и, «едва перевалив за полтинник», умер в начале нулевых в полном одиночестве [35, с. 21, 24]. Не смог «поступиться принципами» и герой Е.П. Гончарова, в позднесоветский период работавший инструктором в горкоме КПСС, а с началом радикальных реформ оказавшийся на обочине жизни: *«Какое-то время он был учителем в школе, потом сторожем, потом получал пособие по безработице, собирал металлолом. 1 января 2000 года Александра Груздева нашли в его замызанной комнатёнке повесившимся»* [7, с. 11—12].

Героев, для которых ноша эпохи оказалась непосильной, мы встречаем и в произведениях литераторов Т.Ф. Алёшиной, А.В. Гребенюкова, М.С. Деменка, В.В. Зверовщикова, Е.А. Мамонтова, В.А. Русскова, А.А. Сафоновой, В.В. Семенчика, художников Ю.А. Аксёнова, С.Д. Горбачёва, А.В. Камалова, В.И. Серова, Г.М. Манткавы и др. Алкоголизм, употребление наркотиков, потеря родственных связей, жилья, воли к жизни, смерть в нищете — достаточно распространённые сценарии постсоветского периода. Следуя традициям русской классической литературы и реалистического искусства, деятели культуры относятся к униженным и оскорблённым прежде всего с сочувствием.

Владивостокский поэт А.В. Бочинин (1940—2005) годами не имел собственного жилья, друзья-художники давали ему приют в своих мастерских, моряки — на судах, стоящих в порту. Признавая себя человеком, который *«гол как сокол»*, не имеет *«ни дома, ни семьи»*, *«ни рубля, ни цента»*, он тем не менее считал себя не бомжом, а вольным поэтом. Но и само слово *«бомж»* в произведениях Бочинина не имеет выраженной негативной окраски: основная его характеристика — бесприютность. *«Земля во Вселенной, как бомж на вокзале»*, — заключает поэт [5, с. 124—125].

Разумеется, не все россияне были дезориентированы и травмированы переменами, происходившими в обществе. *«Энергичные люди»* (по В.М. Шукшину), или *«двигуны»* (по Л.Н. Князеву [18, с. 25—27]), напротив, почувствовали силу и старались по максимуму использовать открывшиеся возможности *«урвать-сколотить капиталец»* [19, с. 280]. Один из ярких образов — Арнольд Арнольдович из романа А.В. Кузнецова-Тулянина, успешный и беспринципный предприниматель, который ради наживы не останавливается ни перед чем. Герой ведёт своё происхождение от купца Сапунова, положившего начало торговой династии, рачительной и хваткой, и каждого следующего её представителя неизменно называли Арнольдом. *«Были они словно одно существо, являвшее себя в разных местах и разных временах»*, — заключает автор. И это существо с началом рыночных реформ *«по-настоящему расправило плечи — настала его эпоха»* [19, с. 279]. Уже в середине 1990-х гг. Арнольд *«ступал по земле хозяином... ощущая себя той несокрушимой силой, которая, подобно киту, держит на себе земную твердь и всех обитающих на её поверхности букашек, зверушек, людишек»* [19, с. 281].

По словам критика А.М. Лобычева, при взгляде на постсоветскую действительность деятели культуры порой оказываются не в состоянии сохранять художественное спокойствие, герои новой эпохи вызывают у авторов растерянность,

раздражение, эмоциональный протест, даже отвращение [20, с. 10, 12]. Однозначно отталкивающие образы хозяев жизни создаёт в 1990-е гг. художник Ю.А. Аксёнов («Застолье», «Презентация», «Наши будни и праздники» и др.). В живописном произведении В.В. Мечковского «Красный клифт» мы видим нового русского в момент заключения сделки с нечистой силой; саркастический образ золотого тельца представлен в графической работе художника «Жадина-говядина».

Уже к концу XX столетия становится очевидным, что модель российского общества, сложившаяся в результате реформ, не соответствует ни целям, заявленным реформаторами, ни ожиданиям широких слоёв населения. «*Мы дети обмана, мы жертвы распада*», — заключает Е.Н. Мельков [23, с. 95]. Социолог Р.Х. Симонян отмечает, что многочисленные исследования, связанные с подсчётом «выигравших» и «проигравших» в результате рыночных реформ, чрезмерно упрощают общественные процессы: «Методика сведения „выигрыша от реформ“ к материальному достатку не только теоретически безграмотна, но и оскорбительна для человека. Для многих „выигравших“ нынешний упадок России воспринимается очень глубоко. Россиянин всегда высоко ставил государственность. Всё, что связано с величием страны, является для него наиболее приоритетной ценностью» [31, с. 61].

Среди «выигравших», но не принявших новый порядок — приморский поэт И.И. Шепета (1956—2021). В начале 1990-х гг. он, как и целый ряд литераторов, надолго замолчал. Подался в бизнес: работал в сфере торговли, в горнорудной отрасли, потом занялся деревообработкой. В середине 2000-х гг. вернулся к литературному творчеству, кроме того, стал издателем и спонсировал издание книг дальневосточных авторов. В одном из рассказов-эссе Шепеты есть строки, во многом перекликающиеся с описанием индивидуализированного общества З. Баумана: «*Чем так хорош рынок — империя стресса, производительности труда и паразитической наживы, диктатуры денег и всеобщей лжи, разрушения экологии и самого человека — я не понимаю. И, наверное, уже никогда не пойму. То, что этому ужасу нет альтернативы, — наглая ложь тех, кому это выгодно*» [35, с. 24]. В социально-гражданской лирике И.И. Шепеты читается тоска по былому величию державы:

*...Под «Прощанье славянки» ушёл гарнизон,
зарастает полынью у штаба газон,
и в казармах разбитых ночуют бомжи,
видя спяну имперские сны-миражи* [34, с. 61].

Принадлежность народов, когда-то объединившихся вокруг Москвы, «к Великой Общей Судьбе» [1, с. 289] не даёт покоя и лирическому герою владивостокского прозаика В.О. Авченко (1980 г. р.), который по возрасту годится И.И. Шепете в сыновья. Он убеждён, что русский народ, в постсоветский период превратившийся «в аморфное, лишённое возвышающей человека цели множество», тем не менее — фактор, «пока ещё цементирующий континент и удерживающий часть суши, способную претендовать на имперский статус» [1, с. 221]. Имперская идентичность обнаруживает себя и в результатах соцопросов. Так, в составленном социологами РНИСНП рейтинге объединяющих идей, способных сплотить население страны (2001), первое место заняла «Идея единения народов России в целях её возрождения как великой державы» — её поддержала почти половина респондентов [15, с. 52].

Художественные произведения дальневосточных авторов со всей очевидностью показывают глубокий кризис идентичности: люди, ещё недавно ощущавшие себя частью большой и сильной страны, строившие планы и без страха смотревшие в будущее, в новой реальности испытывают растерянность, недоумение, дезориентацию. Огромной, незаживающей травмой стал для многих крах советского государства — общности, на основе которой они десятилетиями выстраивали свою макроидентичность. Пытаясь компенсировать эту потерю в условиях отсутствия устойчивой и приемлемой для большинства населения идеологии развития, жители дальневосточных территорий находятся в поиске новых культурных моделей, пытаются обратиться к различным политическим партиям, общественным движениям, религиозным конфессиям, призывая на помощь поколенческую, этнонациональную, профессиональную и прочие общности. Недоверие к власти, неприятие нового социально-экономического порядка и демократии постсоветского образца тормозит формирование государственно-гражданской идентичности. В то же время имперская идентичность на тихоокеанских окраинах обнаруживает удивительную живучесть.

Процесс экономической и статусно-ролевой самоидентификации зачастую также проходит болезненно, основные причины — «грабительская» приватизация, обвальная дифференциация населения по уровню доходов, трансформация общественного статуса профессий, рост преступности и криминализация общества. Целый ряд героев художественных произведений опускаются на дно и уходят в мир иной, оказавшись не в состоянии выстроить актуальные идентичности и обрести новые смыслы. Другие, наоборот, «расправляют

плечи» и начинают чувствовать себя хозяевами жизни. Ценностный раскол в российском обществе ведёт к усилению конфликтности.

Судя по всему, самоидентификацию в анализируемый период можно рассматривать как непрерывный процесс (по З. Бауману), никогда не заканчивающийся, нередко порождающий беспокойство, неуверенность и конфронтации [4, с.192]. Способность не заикливаться на потерях и быстро адаптироваться к трансформирующейся социальной реальности становится в постсоветский период одним из самых востребованных личностных качеств, от которого во многом зависит обретение положительных самоидентификаций и в конечном итоге — выживаемость в эпоху перемен.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авченко В.О. Правый руль: докум. роман. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 368 с.
2. Алёшина Т.Ф. Жизнь удалась! Владивосток, 2001. 128 с.
3. Алёшина Т.Ф. От Рязани до Гонконга. Владивосток: Роза Ветров, 2013. 186 с.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
5. Бочинин А.В. Из ничего Бог создал пустоту... // Дальний Восток. 1999. № 9—10. С.124—127.
6. Гарипов А.А. Небесное коромысло. Стихи. Избранное / ред.-сост. П. Жданов; предисл. Г. Склеинис. Магадан: Охотник, 2020. 196 с.
7. Гончаров Е.П. New «Мёртвые души»: и другие повести и рассказы. [Б.м.]: Издательские решения, 2019. 198 с.
8. Гончаров Е.П. «Злой» дворник. Чистая правда о грязной работе. М.: АСТ, 2016. 224 с.
9. Гребенюков А.В. Ангел и бес (начало) // Дальний Восток. 1999. № 4. С.120—165.
10. Гребенюков А.В. Ангел и бес (окончание) // Дальний Восток. 1999. № 7—8. С.15—71.
11. Гребенюков А.В. Ох, уж эти русские: Повесть. Рассказы. Хабаровск: РИОТИП, 1998. 272 с.
12. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных сообществ // Социс. 2004. № 10. С. 27—30.
13. Драбкин А. Меня зовут Перец // Биробиджанер Штерн. 08.09.2010. URL: <https://www.gazetaeao.ru/menya-zovut-perets/> (дата обращения: 30.10.2023).
14. Забарова С.В. Ватыркан. Роман. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга — ИД «Петрополис», 2020. 336 с.
15. Здравомыслов А. Национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2. С. 48—54.

16. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. 432 с.
17. Кабушкин Н.Т. Одинокая птица Вселенной: стихи. Хабаровск: Кн. изд-во, 1992. 160 с.
18. Князев Л.Н. Печаль навсегда. Владивосток, 1999. 198 с.
19. Кузнецов-Тулянин А.В. Язычник: Роман. М.: ТЕРРА Книжный клуб, 2006. 384 с.
20. Лобычев А.М. Возвращённая пристань детства // Сукачев В.В. Избранные рассказы. Хабаровск: ИД «Дальний Восток», 2005. С. 5—12.
21. Мамонтов Е.А. Музыка в аэропорту: повести и рассказы. Владивосток: Изд-во Ивана Шепеты, 2021. 360 с.
22. Мамонтов Е.А. Неправильный глагол // Рубеж: Тихоокеанский альманах. 2007. Вып. 7. С. 59—86.
23. Мельков Е.Н. Моя судьба — колючая струна... // Дальний Восток. 1998. № 1. С. 92—96.
24. Месягутов Р.Ш. Магадан. Уходящее настоящее / Стихи А. Гарипова. Магадан: Охотник, 2019. 168 с.
25. Пчёлкин А.А. Непогодь: Стихи перестроечных лет. Магадан: МАОБТИ, 2000. 94 с.
26. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Наука, 2005. 396 с.
27. Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. 640 с.
28. Рыхтэу Ю.С. Чукотский анекдот. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2002. 352 с.
29. Сафонова А.А. Прекрасные нечестивцы: рассказы. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2013. 184 с.
30. Сафонова А.А. Хорошая девочка: повесть. Южно-Сахалинск: ИРОСО, 2020. 228 с.
31. Симонян Р.Х. Российские экономические реформы 1990-х годов: психологические аспекты // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 60—71.
32. Тобояк А. Некто К. // Дальний Восток. 1996. № 1. С. 70—128.
33. Фатеев В.М. Город в законе. Магадан: МАОБТИ, 1999. URL: <https://www.litmir.club/br/?b=281728&p=12&ysclid=1h8lc4xjes972587499> (дата обращения: 30.04.2023).
34. Шепета И.И. Все слова на «А»: Стихи. Владивосток: Рубеж, 2009. 96 с.
35. Шепета И.И. Иван Иванович: Рассказы, эссе, публицистика, воспоминания друзей / сост. Р. Мороз. Владивосток: Изд-во Ивана Шепеты, 2022. 196 с.
36. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6—16.
37. Шумейко Г.П. Холодный душ, и тут же — кипятком... // Приамурье моё — 1995: литературно-художественный альманах. Благовещенск, 1995. С. 123.
38. Шумейко Г. Храню надежду на надежду // Амурская газета. 1994. № 7. С. 8.
39. Fedirko O.P., Dudarenok S.M. Searching for “New” Identity Bases in the Far East in the 1990s // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Nizhny Novgorod, 2021. P. 241—248.

REFERENCES

1. Avchenko V.O. *Pravyy rul'*: dokum. roman [Right Hand Drive: Documentary Novel]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2012, 368 p. (In Russ.)
2. Aleshina T.F. *Zhizn' udalas'!* [Life is Good!]. Vladivostok, 2001, 128 p. (In Russ.)
3. Aleshina T.F. *Ot Ryazani do Gonkonga* [From Ryazan to Hong Kong]. Vladivostok, Roza Vetrov Publ., 2013, 186 p. (In Russ.)
4. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society]. Moscow, Logos Publ., 2005, 390 p. (In Russ.)
5. Bochinin A.V. Iz nichego Bog sozdal pustotu... [From Nothing the God Created Emptiness...]. *Dal'niy Vostok*, 1999, no. 9—10, pp. 124—127. (In Russ.)
6. Garipov A.A. *Nebesnoe koromyslo. Stikhi. Izbrannoe* [Heaven Yoke. Poems. Selected Editor's Foreword]. Ed. by P.Zhdanov; pref. by G.Skleynis. Magadan, Okhotnik Publ., 2020, 196 p. (In Russ.)
7. Goncharov E.P. *New «Mertvye dushi»: i drugie povesti i rasskazy* [New “Dead Souls”: and Other Stories and Tales]. Sine loco, Izdatel'skie resheniya Publ., 2019, 198 p. (In Russ.)
8. Goncharov E.P. *«Zloy» dvornik. Chistaya pravda o gryaznoy rabote* [“Angry” Janitor. The Pure Truth about Dirty Jobs]. Moscow, AST Publ., 2016, 224 p. (In Russ.)
9. Grebenyukov A.V. Angel i bes (nachalo) [Angel and Demon (the Beginning)]. *Dal'niy Vostok*, 1999, no. 4, pp. 120—165. (In Russ.)
10. Grebenyukov A.V. Angel i bes (okonchanie) [Angel and Demon (the End)]. *Dal'niy Vostok*, 1999, no. 7—8, pp. 15—71. (In Russ.)
11. Grebenyukov A.V. *Okh, uzh eti russkie: Povest'. Rasskazy* [Oh, These Russians: Stories. Tales]. Khabarovsk, RIOTIP Publ., 1998, 272 p. (In Russ.)
12. Danilova E.N., Yadov V.A. Nestabil'naya sotsial'naya identichnost' kak norma sovremennykh soobshchestv [Unstable Social Identity as a Norm of Modern Communities]. *Sotsis*, 2004, no. 10, pp. 27—30. (In Russ.)
13. Drabkin A. Menya zovut Perets [My name is Pepper]. *Birobidzhaner Shtern*, 2010, Sept. 8. Available at: <https://www.gazetaeao.ru/menya-zovut-perets/> (accessed 30.10.2023). (In Russ.)
14. Zabarova S.V. *Vatyrkan. Roman* [Vatyrkan. Novel]. Saint Petersburg, Soyuz pisateley Sankt-Peterburga — ID «Petropolis» Publ., 2020, 336 p. (In Russ.)
15. Zdravomyslov A. Natsional'noe samosoznanie rossiyan [National Identity of Russians]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2002, no. 2, pp. 48—54. (In Russ.)
16. Ionin L.G. *Sotsiologiya kul'tury: put' v novoe tysyacheletie* [Sociology of Culture: The Way to the New Millennium]. Moscow, Logos Publ., 2000, 432 p. (In Russ.)
17. Kabushkin N.T. *Odinokaya ptitsa Vselennoy: stikhi* [The Lonely Bird of the Universe: Poems]. Khabarovsk, Kn. izd-vo Publ., 1992, 160 p. (In Russ.)
18. Knyazev L.N. *Pechal' navsegda* [Sadness Forever]. Vladivostok, 1999, 198 p. (In Russ.)
19. Kuznetsov-Tulyanin A.V. *Yazychnik: Roman* [Pagan: Novel]. Moscow, TERRA Knizhnyy klub Publ., 2006, 384 p. (In Russ.)
20. Lobychev A.M. *Vozvrashchennaya pristan' detstva* [The Returned Pier of Childhood]. Sukachev V.V. *Izbrannye rasskazy* [Selected Stories]. Khabarovsk, ID «Dal'niy Vostok» Publ., 2005, pp. 5—12. (In Russ.)

21. Mamontov E.A. *Muzyka v aeroportu: povesti i rasskazy* [Music at the Airport: Stories and Tales]. Vladivostok, Izd-vo Ivana Shepety Publ., 2021, 360 p. (In Russ.)
22. Mamontov E.A. *Nepравil'nyy glagol* [Irregular Verb]. *Rubezh: Tikhookeanskiy al'manakh* [Rubezh: Pacific Almanac], 2007, vol. 7, pp. 59—86. (In Russ.)
23. Mel'kov E.N. *Moya sud'ba — kolyuchaya struna...* [My Fate is a Prickly String...]. *Dal'niy Vostok*, 1998, no. 1, pp. 92—96. (In Russ.)
24. Mesyagutov R.Sh. *Magadan. Ukhodyashchee nastoyashchee* [Magadan. The Outgoing Present]. Poems by A. Garipov. Magadan, Okhotnik Publ., 2019, 168 p. (In Russ.)
25. Pchelkin A.A. *Nepogod': Stikhi perestroechnykh let* [Bad Weather: Poems of the Years of Perestroika]. Magadan, MAOBTI Publ., 2000, 94 p. (In Russ.)
26. *Rossiyskaya identichnost' v usloviyakh transformatsii: opyt sotsiologicheskogo analiza* [Russian Identity in the Conditions of Transformation: The Experience of Sociological Analysis]. Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow, Nauka Publ., 2005, 396 p. (In Russ.)
27. *Rossiya: transformiruyushcheesya obshchestvo* [Russia: Transforming Society]. Ed. by V.A. Yadov. Moscow, KANON-press-Ts Publ., 2001, 640 p. (In Russ.)
28. Rytkeu Yu.S. *Chukotskiy anekdot* [Chukotka Anecdote]. Saint Petersburg, Izd-vo Zhurnala «Zvezda» Publ., 2002, 352 p. (In Russ.)
29. Safonova A.A. *Prekrasnye nechestivtsy: rasskazy* [Beautiful Wicked: Stories]. Yuzhno-Sakhalinsk, Lukomor'e Publ., 2013, 184 p. (In Russ.)
30. Safonova A.A. *Khoroshaya devochka: povest'* [Good Girl: Tale]. Yuzhno-Sakhalinsk, IROSO Publ., 2020, 228 p. (In Russ.)
31. Simonyan R.Kh. *Rossiyskie ekonomicheskie reformy 1990-kh godov: psikhologicheskie aspekty* [Russian Economic Reforms of the 1990s: Psychological Aspects]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2013, vol. 34, no. 3, pp. 60—71. (In Russ.)
32. Tobolyak A. Nekto K. [Someone K.]. *Dal'niy Vostok*, 1996, no. 1, pp. 70—128. (In Russ.)
33. Fateev V.M. *Gorod v zakone* [City in Law]. Magadan, MAOBTI Publ., 1999. Available at: <https://www.litmir.club/br/?b=281728&p=12&ysclid=lh8lc4xjes972587499> (accessed 30.04.23). (In Russ.)
34. Shepeta I.I. *Vse slova na «A»: Stikhi* [All Words on “A”: Poems]. Vladivostok, Rubezh Publ., 2009, 96 p. (In Russ.)
35. Shepeta I.I. *Ivan Ivanovich: Rasskazy, esse, publitsistika, vospominaniya druzey* [Ivan Ivanovich: Stories, Essays, Publicism, Memories of Friends]. Comp. by R. Moroz. Vladivostok, Izd-vo Ivana Shepety Publ., 2022, 196 p. (In Russ.)
36. Shtompka P. *Sotsial'noe izmenenie kak travma* [Social Change as a Trauma]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2001, no. 1, pp. 6—16. (In Russ.)
37. Shumeyko G.P. *Kholodnyy dush, i tut zhe — kipyatkom...* [Cold Shower, and Then — Boiling Water...]. *Priamur'e moe — 1995: literaturno-khudozhestvennyy al'manakh*. Blagoveshchensk, 1995, p. 123. (In Russ.)
38. Shumeyko G. *Khranyu nadezhdu na nadezhdu* [Keeping Hope for Hope]. *Amurskaya gazeta*, 1994, no. 7, p. 8. (In Russ.)
39. Fedirko O.P., Dudarenok S.M. Searching for “New” Identity Bases in the Far East in the 1990s. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. Nizhny Novgorod, 2021, pp. 241—248. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 30.05.2023